

Леонид Андреев

Рогоносцы

Леонид Николаевич Андреев

Рогоносцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785985

Аннотация

«На одном из маленьких островков Средиземного моря, где среди камней, жирных кактусов и низкорослых пальм еще витают призраки веселых греческих богов, сохранился от давних времен один очень странный и необъяснимый обычай. Ему удивляются редкие путешественники, прихотями бродяжнической судьбы занесенные на островок, с ним борется мрачное духовенство, против него восстает и современный разум, холодный и скучный, – но сила тысячелетней привычки побеждает всякое сопротивление и сама насмеяется над смеющимися...»

Содержание

1	4
2	7
3	12
4	18
5	27

Леонид Николаевич Андреев Рогоносцы

1

На одном из маленьких островков Средиземного моря, где среди камней, жирных кактусов и низкорослых пальм еще витают призраки веселых греческих богов, сохранился от давних времен один очень странный и необъяснимый обычай. Ему удивляются редкие путешественники, прихотями бродяжнической судьбы занесенные на островок, с ним борется мрачное духовенство, против него восстает и современный разум, холодный и скучный, – но сила тысячелетней привычки побеждает всякое сопротивление и сама насмехается над смеющимися.

Обычай этот, или празднество, каким считают его некоторые, приурочен к осеннему времени, когда собран виноград и молодое кислое вино уже начинает невинно покруживать головы и веселить сердца. Самый день торжества обычно держится в тайне его трагическими участниками, но в один из первых больших

церковных праздников, следующих за сбором винограда, весь островок вдруг наполняется громким пением, музыкой и криком: это появились в своей торжественной процессии мужья-рогоносцы. Каждый муж, считающий себя обманутым женою, привязывает ко лбу бычьи, козлиные или иные рога, какие удалось добыть, и в сообществе с остальными такими же рогоносцами в течение целого дня шатается по городку и тропинкам маленького острова.

Но не нужно думать, что рогоносцы эти погружены в печаль или уныние, объясняемое обстоятельствами, – наоборот, их странное шествие дышит весельем, они поют и смеются, дудят в маленькие флейточки, барабанят, тренькают на мандолинах и гитарах. Некоторые даже подплясывают, и все вместе весело перекидываются остротами и шутками с сопровождающей их толпой, что под ярким солнцем Средиземья, на фоне гор и голубеющих морских далей составляет отнюдь не печальное зрелище.

Количество мужей-рогоносцев, конечно, в разные годы различно и сильно колеблется: ибо если есть урожай на виноград и маслины, то существует он и на рога; и бывало время, когда всего десятка два или три рогоносцев вяло таскались по островку, теряя бодрость от малолюдства и скуки, но случались и такие года, что чуть не пол-острова убиралось рогами и про-

изводило неопиcуемый шум и гомон.

Но что же делают преступные жены, пока их несчастные мужья столь странно веселятся?

2

Когда хорошенькая и легкомысленная Розина заметила, что муж ее, Типе, вернувшись из города, что-то пронес под полою и запер на замок в своем сундуке, она не на шутку обеспокоилась: нечто колючее в форме спрятанного предмета напомнило ей большие бычьи рога. Но неужели он догадался? Когда-то Типе, человек мрачный и важный, грозил ей в шутку, что в случае измены не только наденет рога, но даже позолотит их, к чему, по его мнению, его обязывало положение богача на островке и возраст. Однако, зная серьезный и сдержанный характер мужа, Розина тогда не поверила этой угрозе и не испугалась; последующие года, когда Типе уже имел некоторые основания присоединиться к процессии, но не делал этого, оставаясь только зрителем, укрепили ее уверенность. Но если спрятанное не есть рога, если Типе действительно не задумал этой подлости, то чем объяснить тогда его необыкновенную любезность и ласковость, столь не похожие на обычную его манеру обращения с женой?

А сбор винограда уже начался, и надо было торопиться предупредить несчастье. И вот, поцеловав мужа (она тоже была особенно нежна все это время),

Розина отправилась в городок, к аптекарю Мартуччио, который, кроме прямого своего дела, занимался еще тем, что приготавливал для мужей рога по их заказу, золотил их, полировал и пригонял по мерке: может быть, ей удастся что-нибудь выпытать про мужа.

Придя, она вначале несколько смутилась: Мартуччио сидел на пороге своей лавочки и тщательно скоблил какие-то огромные, небывалые рога, а возле восседали в разных позах целое собрание молоденьких женщин и мужчин, смотревших на его работу и непринужденно шутивших. На Розину также сперва взглянули с удивлением, но когда она попросила у аптекаря слабительной воды для мужа, все поняли, что она пришла за делом, и перестали обращать внимание. Оказалось, впрочем, что и все женщины пришли неспроста, а за лекарством, и все имели добрый и невинный вид, и это опять не понравилось Розине. Мужчины же пришли так, без дела, лениво покуривали и были, в общем, непонятны.

– Какая это глупость! – сказала Розина, нахмутив брови. – И кого они могут напугать этими рогами? Мой Типе никогда бы не пошел на такую глупость: рога!

– А разве?.. – спросил один из мужчин, наглый Паоло, и засмеялся.

– Никакого нет «разве», я просто так говорю. Уж не для тебя ли эти рога, Паоло, ты что-то слишком ве-

сел? – съязвила Розина, но Паоло не шелохнулся.

– Тогда увидишь, для кого, – лениво ответил он, и опять все мужчины засмеялись. Засмеялись и женщины, а Мартуччио, аптекарь, отодвинул рога на длину руки, полюбовался ими и сказал:

– Это для меня. Хороши?

– А ты примерий! – засмеялась бойкая Пьеретта. – Тогда мы и скажем.

Мартуччио приставил рога, но оказалось, что они велики для его узкого сдавленного лба, и все женщины стали припоминать, какие лбы у их мужей? Но так по памяти судить было трудно, и опять все стали смотреть на Мартуччио, взявшего для отделки другие, красиво изогнутые козлиные рога. Среди женщин пробежал даже шепот восхищения.

– Их непременно надо позолотить, такие хорошенькие! – сказала красивая и важная Катарина.

Мартуччио поднял глаза и поверх очков взглянул на Катарину, спросивши только:

– Ты советуешь?

Но Катарина покраснела, как декабрьская роза, а мужчины опять чему-то засмеялись. «Так ничего у них не узнаешь», – подумала Розина и, сделав грустное лицо, сказала:

– Ах, Мартуччио, я и забыла попросить у тебя лекарства для моего бамбино... что-то он жалуется...

Пойдем к тебе, я скажу.

– Пойдем! – покорно согласился аптекарь.

Провождаемые насмешливыми взглядами мужчин, они вошли в глубину темной лавочки, и Розина зашептала, сжав руку старого аптекаря:

– Послушай, Мартуччио, я дам тебе десять лир, если ты ответишь мне, был у тебя Типе или нет? Я умоляю тебя.

– Ни за сто, ни за тысячу лир, красавица. Ведь ты знаешь обычай? А если я начну выдавать, то и заказывать мне никто не станет, подумай сама.

Розина заплакала:

– Но ведь он лжет! Я ему никогда не изменяла, разве я могу кому-нибудь изменять? Ты меня знаешь, Мартуччио, такая ли я, чтобы изменять мужу? Это так дурно!

– Я верю тебе, красавица, – ответил аптекарь, – да я и не говорил, что Типе заказывал мне рога.

– А для кого эти... такие большие... с золочеными кончиками? С красной ленточкой... богатые?

Она опять заплакала, но Мартуччио остался неумолим и только уверял, что ничего открыть не может. Розина уже достала золотые двадцать лир, чтобы сунуть их аптекарю в руку, когда с порога раздался нежный голос вошедшей Лючии:

– Здравствуй, Мартуччио... А я к тебе за лекар-

ством, что-то мой бамбино жалуется на животик... Это ты, Розина, здравствуй!

Так и пришлось уйти Розине, ничего не узнав, и сколько потом она ни ходила, сколько ни упрашивала, Мартуччио остался непреклонен. «Вот старый козел, – думала Розина, возвращаясь, – лучше бы себе золотил рога, чем позорить честных женщин».

3

А Типе был все так же любезен, и что ни день, то все любезнее. Подарил ей четки и новый платочек и так ласкался к ней, словно в первые месяцы супружества; и за лоб никогда не брался, как прежде. «Какой негодяй! Какой лицемер!» – думала несчастная Розина, нежно глядя рукой по его плечи и чувствуя в ладони точно колючки: теперь ее какая-то странная сила тянула к голове мужа, все время хотелось потрогать и пощупать.

– Я тебя так люблю, ты такой умный! – говорила она и добавляла со смехом: – А знаешь, что эти дураки опять задумывают?

– Что такое, моя дорогая? Не знаю.

– Да опять эти рога... такая глупость! Я как-то проходила мимо аптекаря, и у него их столько заготовлено, просто смешно смотреть. Я так смеялась!

– Да, говорят, что этот год счастливый: и виноград хорош, и рога удались. Мне кто-то говорил, не помню кто.

– Но ведь это глупо, мой дорогой, ты не думаешь?

– Такой уж обычай, моя дорогая, кому-нибудь надо так.

– А ты пойдешь смотреть?

– Да, надо посмотреть, все идут, так нельзя же мне одному оставаться дома.

Так и здесь ничего не узнала бедная Розина. Воспользовавшись тем, что Типе забыл однажды ключи, посмотрела она в сундучке, но там было пусто, и сперва это обрадовало ее. Но потом пришло в голову, что Типе отнес рога к аптекарю менять на лучшие или спрятал их в другом месте и что ключи он оставил нарочно, чтобы еще больше обмануть ее, – и стало ей совсем грустно. Что же делать?

А тем временем несколько таких же женщин, знавших друг про друга истину, сговорились и тихонько, в вечерней темноте, прокрались к аббату, чтобы просить его об отмене глупого и вредного обычая. Пожилой аббат, отец Никколо, внимательно выслушал их и сказал:

– Сам знаю, что нехорошо, и тщетно борюсь с этим дурным грязным обычаем. Истинный христианин должен со смирением принимать это испытание, а не веселиться, не прыгать козлом и не петь непристойные песнопения, подобно нечестивому язычнику. Сам знаю, дети мои, и горько страдаю, но что могу поделать, если ваши мужья так безумны!

Тут вошла экономка отца Никколо, полнотелая Эсмения, и также присоединила свой голос к просьбам несчастных женщин:

– Помоги им, падре, ты видишь, как несчастны эти оклеветанные женщины!

Как-то странно, немного вбок и искоса, взглянул аббат на полнотелую Эсминию, погладил себя по лысющему надлобью и даже заглянул ладонью на гуменце, потом вздохнул и продолжал с некоторой нерешительностью:

– Как человек безбрачный, не могу понять, какое они находят в этом утешение? Допустим, что я приставил бы рога к моему лбу, к этому месту, и с музыкой пошел бы по острову, – какое испытал бы я чувство, кроме известного, конечно, облегчения... и даже некоторой радости при виде такого количества однофамильцев?

– Не понимаю я, какая тут может быть радость, – гневно сказала Эсминия, – а оклеветать честную женщину ничего не стоит!

И, хлопнув дверью, вышла. И еще с большею задумчивостью продолжал отец Никколо, лишая женщин последней надежды:

– Но не будет ли радость эта нечестивою? И в самой потребности испытать таковую, – он снова внимательно потер себя по надлобью, – не кроются ли сети дьявола? И буде такой обычай распространится между нами, не возникнет ли из этого наибольшего и неприятнейшего соблазна? Допустим, например,

что целый большой город, подобный Риму или Парижу, следуя нашему обычаю...

Но сколько ни думал падре, ни до чего додуматься не мог: так в позе размышления противоречивого и оставили его женщины, пришедшие за помощью. И, возвращаясь домой по темным улочкам и избегая встречи, они сквозь слезы смеялись над почтенным аббатом и выбирали ему у аптекаря наиболее подходящие рога.

Неизвестный же день осмеяния все приближался, уже собран весь виноград и превращен в жиденькое винцо, уже чудятся по утрам ненавистный смех: и звуки мандолин. И тогда решила Розина повидаться с своим любовником Джулио, встреч с которым за это время боязливо избегала, и попросить у него совета, как дальше поступать с Типе: покаяться ли и просить прощения или же спокойно довериться его близорукости?

Даже побледнел краснощекий Джулио, когда услышал, что Типе, кажется, заказал себе рога у Мартуччио, и притом золоченые.

– Да не может быть! – воскликнул Джулио и с отчаянием покачал головою. – Какой ужасный год! Ты знаешь ли, Розина, что наш нотариус, синьор Бумба, также приобрел себе рога!

– Что же это будет, Джулио? Я тогда не выдержу, я

умру. Не лучше ли пасть на колени и сознаться? Типе такой добрый.

Джулио гневно вспыхнул.

– Он не добрый, если заказывает рога, и притом золоченые!

Розина слегка обиделась и сказала:

– Он не может не золоченые, ведь мы богатые, не тебе чета. Но если я сознаюсь, а окажется, что он ничего не знал, и я только удивлю его?

Джулио согласился с нею:

– Это очень возможно. А когда ты сознаешься, он возьмет и купит рога, и нам хуже будет. Я думаю, что лучше положиться на бога, нашим умом мы тут ничего не сделаем. И еще я попрошу тебя, чтобы ты больше не звала меня, и не приходила ко мне, и не смотрела на меня даже в церкви. Прощай!

Розина заплакала и сквозь слезы сказала:

– Какой же ты дурной, Джулио, я очень жалею, что полюбила тебя.

– Я не дурной, а если ты любила меня, то зачем была такой неосторожной, что твой муж все заметил? Я уважаю себя и не хочу, чтобы надо мною все смеялись и показывали пальцами: вот прячется у стены глупый Джулио, который попался! Тогда меня ни одна женщина любить не станет и лучше мне совсем уйти с острова. Прощай!

Так и ушел. Потеряв последнюю надежду на помощь, Розина решила не спать совсем, чтобы уследить мужа, когда он захочет пройти на процессию, и отнять у него рога и не пустить его. Так было однажды на острове, когда какая-то решительная женщина успела в день процессии запереть своего мужа в сарайчик, а один он идти потом не захотел.

И с ночи Розина крепилась и не спала, но к утру каждый раз засыпала так крепко, что трудно было добудиться.

Со страхом смотрела она, тут ли муж, а любезный Типе, нежно глядя ей в заспанные глазки, спрашивал:

– Ты не больна ли, моя дорогая? И не сходить ли тебе к аптекарю посоветоваться?

4

Так случилось и в это роковое утро: проснулась Розина, а солнце уже высоко, и мужа нет, и в отдалении явственно слышится музыка, песни и смех, гуд бубна и веселые крики. «Какой сегодня праздник?» – подумала Розина, еще не разобравшись, но вдруг поняла, все печальное значение веселой музыки и горько заплакала.

– Никуда я не пойду, – решила она, – буду лежать на постели и прятаться, никому не покажусь на глаза; лучше умру, чем вынесу такую насмешку.

Но вдруг новая, более радостная мысль заставила ее вскочить с постели: а если Типе вовсе и не участвует в; процессии, а идет вместе с другими зрителями, серьезный и важный, как всегда? Необходимо пойти и самой убедиться, прежде чем плакать и отчаиваться.

Долго и медленно одевалась Розина, колеблясь в выборе платья и цветов: одевать ли праздничное веселое, как подобает невинной женщине, или темное, приближающееся к трауру? Наконец решила так: юбку и корсаж надела темные и в руки взяла новые четки, а голову покрыла веселым новым платочком. И, то поднимая глаза, как женщина честная и веселая, то опуская их долу, вышла она из дома, гонимая сла-

бой надеждой, тщету которой она и, сама сознавала. Тепло светило осеннее солнце, сладко пахло листом еще зеленого лимона, и красными пятнами, как, кардинальская сутана, горела под кручею распутившаяся герань; и на море из голубого шелка не белелось ни единого паруса, ни единой лодочки: видно, и от рыбной ловли отказались на этот день мужья-рогоносцы, продолжавшие шумно веселиться где-то за горою.

Следуя по звуку барабана, степенно приблизилась Розина к показавшейся процессии, – и тут-то сбылись ее самые печальные предчувствия: в середине многолюдной толпы рогоносцев, растянувшейся по дороге, как войско, в одном из первых рядов чинно и важно шествовал Типе, ее муж. Его плешивую голову увенчивали те самые бычьи золоченые, богатые рога, которые так чудесно угадала она среди других рогов, а во рту он нес длинную сигару и курил, как ни в чем не бывало. И как стояла среди камней Розина, так и присела, радуясь, что ее не заметили за толстыми листьями кактуса, и мечтая о том, как бы поскорее добраться до дому и укрыться за его стенами.

А толпа на дороге все увеличивалась, и возрастал шум. По-видимому, рогоносцы еще только недавно выступили в поход из какого-нибудь тайного места, где они заранее собрались; и, привлекаемые звуками музыки и барабана, отовсюду сбегались к процессии

любопытные. Тут же гомонили и дети, которых ничто не могло удержать дома в такой замечательный день; не вполне понимая значение происходящего, они весело резвились и с восторгом открывали в рогатом стаде своего отца или дядю.

И над всей толпою стоял веселый шум и крики; многочисленные любители музыки в среде рогоносцев играли на всевозможных инструментах, не преследуя иных целей, кроме собственного самоуслаждения. И кто играл весело и плясал, а кто с характером более меланхолическим и серьезным наигрывал что-нибудь приятное и мелодическое: так четверо известных на острове музыкантов, по вечерам игравших в местном кафе, теперь очень стройно исполняли песню «Аве Мария», вызывая одобрительные замечания товарищей-знатоков.

Каждый вновь пришедший или пришедшая торопливо окидывал общим взглядом ряды рогатого войска и с жаром выражал свои впечатления, неожиданно находя своих знакомых и шумно приветствуя их. Кого здесь только не было! Год действительно удался необыкновенный, и жатва рогов превосходила всякие ожидания.

Особенно громко щебетали женщины, которым повезло остаться в числе зрителей, жалели рогоносцев и негодовали на их преступных жен.

– Смотрите! Смотрите! Беневолио! Кто бы мог этого ожидать для такого хорошего человека! – кричали они, указывая на толстого, круглого горожанина, игравшего на барабанах и весело моргавшего под навесом огромных кудреватых рогов: – Здравствуй, Беневолио!

Вместо ответа он весело подмаргивал, а женщины удивлялись дальше:

– Страсти господни! Да это Леоне! Бедненький! Здравствуй, Леоне!

Леоне, не оглядываясь и продолжая приплясывать, снисходительно бросил в ответ:

– Здравствуй, Кончетта, как поживаешь? – и сделал правой ногой такой смелый силуэт, что засмеялись даже наиболее серьезные. Надо заметить, впрочем, что в шествии свое обманутые мужья внесли такое же разнообразие характеров, какое имелось у них и в жизни.

Так, рядом с пляшущим Леоне лениво тащился старый носатый рыбак Джiovанни, а дальше важно и несколько рисуясь, шел молодой щеголь и богач Риччардо, только недавно женившийся. К своему жирному лбу он прикрепил маленькие изящные рожки, на кончиках позолоченные, и небрежно отвечал на приветствия, видимо и здесь почерпая пищу для своего тщеславия. Совсем иначе и более приятно вел себя

весельчак Алессио: он мало того, что выкрасил рога пурпуровой краской, но еще навесил на них маленькие бубенчики, которыми непрестанно звонил, потряхивая курчавой головою. Все его приветствовали, даже дети, а зрители-мужчины серьезно и важно похваливали его:

– Бравый малый! Алессио, не забудь, что еще за мною стаканчик вина!

Очень сильное впечатление произвел своим появлением синьор нотариус Бумба, оказавшийся настолько добрым и негордым, чтобы и для себя принять исконный обычай острова. Польщенные мужчины и женщины хором кричали:

– Синьор Бумба! Смотрите, смотрите: сам синьор Бумба! Доброе утро, синьор Бумба!

– Доброе утро, доброе утро! – рассеянно отвечал синьор Бумба, ибо, как человек деловой, он и здесь не оставлял мысли о своих занятиях, деньгах и клиентах. Под мышкою он нес кожаный портфель, а маленькие грязные рожки, небрежно привязанные, сбились у него несколько набок, чего он даже и не замечал. Многим, конечно, это последнее не могло понравиться, и среди приветственных криков слышались и голоса осуждения, ставшие особенно громкими, когда в его грязноватых рожках признали прошлогодние рога бедняка Пиетро.

– Какой скупец этот синьор Бумба, – говорили зрители не мог для такого дня купить новые рога!

– Поправьте рога, синьор Бумба, – советовали женщины, а он только отмахивался свободной рукой и бормотал:

– Ну, ну! И так сойдет, – и, увидев в толпе клиента, остановился и вступил с ним в разговор о процессе. Но тут вся толпа забыла даже нотариуса перед новым неожиданным зрелищем: из-за свисших очков блеснули хитрые глазки самого аптекаря Мартуччио! И на лысой голове Мартуччио – кто мог это подумать! – высоко торчали какие-то необыкновенно высокие и прямые рога, на концах обделанные в серебро!

– Вот и доработался! – говорили женщины не без лукавства, но мужчины и здесь одобрили бравого старика. Сам же Мартуччио, среди общего смеха, шуточно и весело козырял, прикладывая руку к рогам, как к военной каске, так как раньше служил солдатом и был человек добрый, умевший обходиться с людьми.

– Все мои изделия! – говорил он, показывая на чашу рогов, колыхавшихся по дороге, и подгонял отставшего нотариуса: – Эй, синьор Бумба, оставьте ваши дела, сегодня праздник!

– Я только отдал бумагу! – оправдывался нотариус и поспешно нагонял остальных.

День становился жарким, и у маленького кабачка

перед городом все остановились, чтобы выпить винца и промочить пересохшее горло. Тут некоторое время отдыхали, расположившись за столиками; кое-кто снял рога и, положив их возле своего стакана, вытирал запотевший лоб. Потом снова надевал, как шляпу. Более пожилые люди толковали о своем хозяйстве, о винограде и червях и жаловались на ранние холода по утрам, а молодежь устроила в садике игры и танцы. Весельчак Алесслио взял щеголя Риччиардо вместо подруги и протанцевал с ним отчаянную тарантеллу под глухие звуки бубна, на котором играл толстый Беневوليو. Потом пошли дальше, оживленные молодым вином, и вступили на улицы городка, где уже у всех дверей и окон толпились зрители.

Тут впервые обнаружили свое существование и преступные жены. Когда процессия двигалась мимо домика Беневوليو, у окна во втором этаже показалась его жена, Лукреция. Волосы у нее были не причесаны и растрепаны, лицо опухло от слез и крика, и на всю улицу громким голосом она стала упрекать мужа в неправде:

– Посмотрите на этого пьяницу и разбойника! Кто поверит такому лжецу! Пусть бы громом убило клеветника!

А Беневوليو, при общем смехе, стал против нее и так забил в барабан, что даже ее голоса не стало

слышно, так она и спряталась назад, в глубину комнаты.

– Вот и поделом ей, – говорили зрители, – обманывать такого хорошего человека! Пусть-ка поплачет!

А еще дальше выскочила из своего дома совсем растрепанная Эмилия, жена весельчака Алессио и, уцепившись за его платье, с криком и слезами не пускала его дальше. Но он даже не оглядывался и, продолжая дудеть в трубу, тащил за собою бедную слабую женщину, что вызвало новый смех и громкие шутки. Так они и шли, пока наконец утомленная Эмилия не отцепилась от платья мужа и не зашагала рядом с ним, продолжая кричать и жаловаться, ибо голос имела сильный и не утомляющийся; и во весь длинный день не оставляла она Алессио, гуляя с ним по всему острову и на остановках допивая вино из его стакана.

Прошли и мимо аббата, стоявшего у себя на балкончике и неопределенно потиравшего белой рукой плешивое надлобье; и тут из вежливости музыка замолчала, и все стали кланяться отцу Никколо. Но когда высунулась из окна полнотелая Эсминия и стала плевать в толпу и поносить ее за безбожие, все опять развеселившись и зашумели, а аптекарь Мартуччио, атеист и вольнодумец, громко крикнул аббату:

– Идите к нам, отец Никколо, с нами веселее, чем одному. А рога у нас найдутся!

И добрый отец Никколо нисколько не обиделся, еще долго стоял на балкончике и даже с удовольствием выслушал «Аве Мария», которую для него исключительно еще раз исполнили музыканты. Хотел он выслать музыкантам и винца, но этого Эсминия не позволила.

Так до темного вечера веселились мужья-рогоносцы, а жены их плакали по своим опустелым домам; но никто не мог бы сказать и не знал, куда попрятались любовники, их как будто и совсем не было на острове.

5

Розина крепко спала, укрывшись с головой, и бамбино спал, когда позднею ночью вернулся домой Типе. Он был на редкость пьян и также на редкость весел, что-то напевал глухим басом и с видимым удовольствием проглотил обильный ужин, приготовленный ему любящей женой. Походил по комнатке, сиявшей необыкновенной чистотою, но Розины будить не стал, чего она очень боялась под своим одеялом, а разбудил бамбино и долго болтал с ним о всяких пустяках.

– А я буду ходить с рогами, как и ты, когда вырасту? – спрашивал невинный бамбино, полдня таскавшийся за процессией, – мне очень понравилось, ты был такой важный!

– Будешь, будешь и ты, бамбино! – отвечал Типе, целуя ребенка и снова укладывая его спать.

Когда в доме все стихло, Розина осторожно протянула руку к мужу, лежавшему рядом: еще не знала она, примет он ее руку или грубо оттолкнет. Долго и нерешительно кралась рука и наконец коснулась плеча мужа с немым вопросом... Но ответа не было, сколько она ни ждала: Типе крепко спал спокойным сном честного труженика, утомленного за день.

Спал и бамбино. И еще раз в этот день горько-прегорько заплакала одинокая Розина.